

жизни²⁰ или как некий этический поступок, обозначающий грани жизненной неизбежности.²¹ Авторская позиция выявляет здесь свой гуманистический потенциал. Предзаданная «опущенность» *живого* человека (труженика, бедняка, жертвы насилия или социальной судьбы) в «мертвую воду» жизненной рутины становится у Некрасова указанием на трагическое измерение бытия и поводом для воззвания к человечности его читателей.²²

Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что в обеих развиваемых Некрасовым при изображении обездоленного люда художественных формах (лирической и лиро-эпической) поэт обязательно изыскивает возможность открыть читателю перспективу *сознания* другого, отличного от читателя носителя этого сознания. Во втором случае это чужое сознание проступает в передаче повествователя. В первом же случае позиция повествователя является лишь концепирующей «рамой» открытого автологического слова носителя чужого сознания. При этом не только слово «владельца роскошных палат», но и слово «сеятеля и хранителя» как «чужое» слово постоянно включается Некрасовым (персонифицированно или только интердискурсивно) в различные диалогические отношения с другим «чужим» словом (позицией другого объективированного субъекта), или словом (позицией) повествователя, или провоцируемой произведением позицией читателя.²³ Но тем самым былой «объект» гуманистического сочувствия обретает возможность выразить себя также и в качестве носителя репрезентативной, самостоятельной и культурно значимой *собственной* точки зрения, вступить в свой личный диалог с образованным читателем (а в перспективе и с другими представителями своего социального и культурного круга).

Допущение поэтом права для «толпы» на ее собственное *ответственное* слово тотчас эту романтическую недифференцированную категорию превратило в *многоликий* и *индивидуализированный* народ. Последний же оказался выразителем совсем не единственной, словами Пушкина, «правды» «печного горшка», универсально противостоящей «правде» «кумира Бельведерского». Его «правда» сначала распалась на неисчерпаемое множество частных «правд», а затем обнаружила свойства не только «правды жизни», но всеобъемлющей и внутренне диалогической «правды целостного бытия», включающей в себя и сферу идеала. Поэтому поразительная особенность Некрасова, характерного представителя «интеллигентской» идеологической элиты своего времени, сказалась в том, что, в отличие от многих своих современников (и даже соратников), он смог ощутить себя не «вне», но «внутри» народного мира — с его трудом, бытом, страстями, невежеством, детским простодушием, с рутинной монотонностью его жизни и пошло-

²⁰ См., например, стихотворения «Влас», «Знахарка», «Выбор», поэмы «Коробейники», «Мороз, Красный нос».

²¹ См. стихотворения «Извозчик», «Свадьба», «Притча о Ермолае трудящемся», «Орина, мать солдатская» и др.

²² Показательные примеры — стихи «Ночь. Успели мы всем насладиться...», «О погоде», «Утро», «Что нового?», «Если ты красоте поклоняешься...» и др.

²³ Подробнее об этом см.: Пайков Н. Н. 1) Проблема коммуникативной направленности, диалогической природы и своеобразия принципов художественной организации (драматургичности и драматизации) лирики Н. А. Некрасова // Литература, язык, культура: актуальные вопросы изучения и преподавания. Материалы науч. конф. ЯГПУ «Чтения Ушинского—2002» (факультет русской филологии и культуры). Ярославль, 2002. С. 42—44; 2) Структура лирического сознания в эволюции замысла «драмы для чтения» Н. А. Некрасова «Медвежья охота» // Филология. Культурология. Речевая коммуникация. Материалы Междунар. науч. конф. ЯГПУ «Чтения Ушинского—2003» (факультет русской филологии и культуры). Ярославль, 2003. С. 3—7; 3) О феномене драматизации в поэтическом творчестве Н.А. Некрасова // Актуальные вопросы изучения и преподавания русской литературы в вузе и школе. Материалы межрегион. науч. конф. Ярославль, 2004. С. 62—70.